

— Я сам, я сам! — Начальник Ван выхватил ключи из рук капитана Ли и лично снял наручники с Гу Яо, после чего крепко сжал его руки. — Ты пострадал, но это не твоя вина. Эти негодяи сами виноваты. Не переживай, дядя обязательно восстановит справедливость.

Гу Яо, скривив губы, высвободил свою руку и встал рядом с Лю Сычэнем, которого всё ещё держали на руках, не обращая внимания на извинения начальника Вана.

— Дедушка, вы видите... это... настоящее недоразумение, будьте спокойны... — Начальник Ван хотел подойти ближе, но был остановлен водителем.

— Дедушка устал, оставьте всё на потом, начальник Ван. Вы должны разобраться с этим как следует. — Водитель говорил официальным тоном, и лицо начальника Вана покраснело, он кивал, соглашаясь.

— Я сейчас уйду и не буду мешать дедушке отдыхать. Пожалуйста, берегите себя, берегите здоровье. — Начальник Ван резко дернул замначальника Шао, который от начала до конца не проронил ни слова, и вместе с остальными поспешно удалился.

Дедушка Гуань, видимо, действительно устал. Его уложили, и он закрыл глаза, чтобы отдохнуть. Лю Сычэня, которого держал на руках дедушка, вместе с Гу Яо вернули в палату. Лю Сычэнь позвал врача, чтобы тот осмотрел рану Гу Яо.

Рана немного разошлась, и из неё сочилась кровь. Врач снова обработал её.

— Ты что, дурак? Сам ранен, а всё равно убежал. — Лю Сычэнь просто не мог сдержать своего раздражения, тыкая пальцем в бледное лицо Гу Яо.

Гу Яо усмехнулся, схватил его маленькую руку и крепко сжал. Лю Сычэнь не стал сопротивляться, боясь, что это может снова потревожить рану, и позволил ему держать свою руку.

На следующий день водитель дедушки Гуань пришёл попрощаться. Лю Сычэнь завернул ему женьшень, который они снова нашли в лекарственном саду, а дедушка Лю добавил к нему свои запасы кордицепса.

Дедушка Гуань несколько раз помогал им, и этот подарок был знаком их благодарности. Водитель не стал отказываться и принял его. Перед уходом он намекнул, что не стоит беспокоиться о мести со стороны начальника Вана и замначальника Шао — они уже конченые.

Лю Сычэнь наконец почувствовал облегчение. После того как дедушка Гуань уехал, Гу Яо провёл в больнице ещё один день, прежде чем выписался. К этому времени уже было двенадцатое число первого месяца, и до начала учёбы оставалось всего три-четыре дня.

Вернувшись домой, Лю Сычэнь с ужасом взглянул на календарь и осознал, что не сделал ни одного домашнего задания за весь зимний каникулы!

Задания для первого класса были простыми: только математика и китайский язык. Математику он мог сделать за один день, но с китайским всё было гораздо сложнее. Там были задания на переписывание и заучивание текстов, а учитель китайского задал писать по десять больших иероглифов каждый день. Согласно плану учителя, на выполнение этих заданий нужно было тратить один-два часа каждый день в течение всего каникулярного периода.

Но у Лю Сычэня оставалось всего три дня. Он с ужасом посмотрел на календарь, вскрикнул и,

схватившись за голову, опустился на пол, не желая сталкиваться с этой жестокой реальностью. Неужели, даже переродившись, он всё равно будет страдать от злобы домашних заданий?

Лю Сычэнь не видел, чтобы Гу Яо делал задания, но тот спокойно сидел на стуле, греясь на солнце, и, казалось, вообще не беспокоился об этом. Сравнивая себя с ним, Лю Сычэнь чувствовал лишь раздражение.

Он бормотал себе под нос короткие тексты из учебника, быстро писал иероглифы и, изо всех сил стараясь успеть, закончил все задания к вечеру пятнадцатого числа.

Рана Гу Яо под присмотром дедушки Лю заживала хорошо. Дедушка каждый день готовил ему лекарство, смешивая его с родниковой водой.

После начала учёбы дедушка снял швы, и, если быть осторожным, через две недели рана полностью заживёт.

С началом учебного года оба мальчика вернулись к обычной школьной жизни, но дедушка Лю начал задумываться, что делать со своим внуком.

Во время лечения дедушки Гуань он внезапно осознал, что шестилетний Лю Сычэнь проявляет таланты, которые превосходят его ожидания. Продолжать учить его только теории из учебников уже было недостаточно для удовлетворения его потребностей в обучении.

Но в деревне Люцзя, где жило всего несколько десятков семей, Лю Сычэнь мог учиться только базовым практическим навыкам, таким как лечение простуды и травм. Продолжая так, его прогресс в обучении неизбежно застынет, и это не то, чего хотел дедушка Лю.

После долгих раздумий он решил отправиться в уезд.

Дедушка Чэнь, которому в этом году исполнилось семьдесят лет, более двадцати лет проработал врачом традиционной китайской медицины в больнице уезда Вэйчэн. Несмотря на возраст, он отказывался уходить на пенсию и каждый день проводил несколько часов в своём кабинете. Его ученики и внуки, уже ставшие заведующими отделениями, регулярно получали от него выговоры, как школьники.

Старший сын дедушки Чэня был секретарём уездного комитета партии, а младший — заместителем директора больницы. Семья Чэней в уезде Вэйчэн имела вес.

— Входите! — Громко ответив на стук в дверь, дедушка Чэнь, надев очки, взглянул на открывшуюся дверь и, увидев вошедшего, удивился, но тут же встал и пошёл навстречу.

— Брат Лю. — Вошедшим был дедушка Лю Сычэня.

— Брат Чэнь. — Дедушка Лю поспешно пожал руки дедушке Чэню, и они обменялись приветствиями, прежде чем сесть.

Дедушка Чэнь в молодости учился в Пекине и, оказавшись в бедственном положении, был взят под опеку отцом дедушки Лю, который был его земляком. Они провели вместе четыре-пять лет, но потом всё изменилось. Семья Лю разорилась, отец дедушки Лю умер, а дедушка Чэнь, находясь далеко в уезде Вэйчэн, потерял связь с ним.

Позже дедушка Лю с сыном вернулись в деревню Люцзя и случайно узнали о семье Чэней. Встреча двух стариков после стольких лет разделила их от юности до седых волос.

Дедушка Чэнь однажды приглашал дедушку Лю работать в уездной больнице, но тот, прибыв с множеством ран и полный горечи, отказался, желая жить спокойно с сыном в деревне Люцзя, не стремясь больше ни к чему. Дедушка Лю отказался и поселился в деревне, где прожил уже десять лет.

Дедушка Чэнь не нарушал его покой, и за эти годы они встречались лишь несколько раз. На этот раз дедушка Лю сам пришёл, и дедушка Чэнь был удивлён и обрадован, как ребёнок, схватив его за руку.

— Брат Чэнь, я пришёл с просьбой. — Дедушка Лю, вспоминая своего внука, на лице которого появилась улыбка, заговорил.

— О? Говори, если могу помочь, не откажу. — Дедушка Чэнь заинтересовался. Он помнил их последнюю встречу, когда он сам приехал в деревню Люцзя, и Лю Сычэнь только начинал ходить. Тогда он впервые увидел настоящую улыбку на лице дедушки Лю.

— Моему внуку шесть лет. — Начал дедушка Лю.

— Что? Есть проблемы? — Дедушка Чэнь встревожился.

— Нет, он прекрасен, просто рано начал учиться и уже знаком с медициной. — Дедушка Лю поспешно прервал его догадки. — Брат Чэнь, я скажу прямо: я хочу, чтобы он учился у тебя. Удобно ли это для тебя?

— Ха-ха-ха, приведи его ко мне, брат Лю. Твой внук, должно быть, необыкновенный. — Дедушка Чэнь рассмеялся. Если дедушка Лю решил привести его, значит, ребёнок действительно талантлив.

— Это просто шалун, но в деревне Люцзя ему не хватает возможностей. Я боюсь, что слишком много теории может ему навредить. — Дедушка Лю вздохнул. — Мы ведь знаем, что в нашем деле практика — это самое важное. Заставлять его зубрить теорию рано или поздно ограничит его.

Дедушка Чэнь кивнул.

— Брат Лю, у тебя есть наследник. Мои внуки ни один не хочет учиться у меня. Даже те, кто начинал, в итоге переходили на западную медицину. Это меня бесит.

Дедушка Чэнь намекал, и дедушка Лю понимал, что тот боится, что его внук не выдержит.

Дедушка Лю с горечью согласился.

— Ты ведь знаешь, мой сын тоже в итоге поступил в университет и изучал западную медицину. Наследие наших предков их больше не интересует. Но мой внук, хоть и маленький, отличается от отца. — Дедушка Лю изменил тон. — Проведи с ним несколько дней, и ты увидишь. Во всём остальном он может лениться и хитрить, но в медицине он никогда не жалуется.